

Проблемы наследства

ВОСПОМИНАНИЯ О С. ТАНЕЕВЕ

Р. ГЛИЗР

Прошло четыре десятилетия со дня кончины Сергея Ивановича Танеева, замечательного русского композитора, пианиста, ученого и педагога.

Деятельность С. Танеева неразрывно связана с Москвой. На протяжении многих лет он был одним из руководителей музыкальной жизни Москвы, художественной совестью и наставником целого поколения русских музыкантов. Огромно было влияние С. Танеева на его учеников. Но это влияние проявлялось не в слепом подражании стилю мастера, а в глубоком усвоении его творческих принципов. С. Танеев воспитал столь различных композиторов, как С. Рахманинов и А. Скрябин, Н. Метнер и С. Василенко, З. Палиашвили и Ан. Александров.

Влияние С. Танеева сказывалось и в самом подходе к музыкальному творчеству, к общественному и профессиональному долгу композитора. Сергей Иванович учил нас всегда стремиться к правде выражения, к совершенству формы; учил строжайшей требовательности к себе, самокритике, честности и принципиальности в большом и малом.

Человек необыкновенной душевной скромности, большой прямоты, строгой внутренней дисциплины, Сергей Иванович был для нас образцом настоящего композитора, передового художника-реалиста.

Мне навсегда запомнилась запись С. Танеева, четко формулирующая одно из центральных положений его художественного мировоззрения — мысль, которую мы, ученики С. Танеева, часто слышали в той или иной форме из его уст: «Мозг — сила. Приложи силу к чему бы ты ни было, и получится результат, необходимо вытекающий, с одной стороны, из свойств силы, а с другой, из свойств предмета, к которому эта сила приложена...»¹

Сергей Иванович непоколебимо верил в силу человеческого разума, и вся его жизнь была подчинена совершенствованию творческой мысли, художественного мастерства, композиторского слуха и вкуса.

На протяжении примерно шестидесяти лет, в течение которых я наблюдал жизнь музыки С. Танеева, мне приходилось не раз высказывать мнение о том, что музыка Танеева при всем огромном мастерстве и

¹ С. И. Танеев. Личность, творчество, документы его жизни. М., 1925, стр. 73.

технической изощренности якобы холодна, рассудочна, лишена свободного полета творческой фантазии.

Проверка временем показала, как глубоко заблуждались люди, высказывавшие это мнение. Великолепное мастерство С. Танеева не скомывало творческого воображения, как это пытались утверждать ные горе-критики, но лишь способствовало всестороннему раскрытию его замечательного дара.

«Орестея», «Иоани Дамаскин», «По прочтении псалма», до-минорная Симфония, Фортепианный квинтет, квартеты, хоры, романсы — это великие творения композитора, исполненные прекрасных музыкальных идей, горячего чувства, отмеченные поразительной логикой и совершенством формы. Любовь слушателей к музыке С. Танеева, все возрастающая популярность его сочинений в Советском Союзе и за рубежом — лучшее подтверждение жизнениости и красоты его творчества.

Мне выпало счастье быть учеником Сергея Ивановича Танеева. Под его руководством я прошел курс контрапункта (1895—1896 гг.), fugи (1896—1897 гг.) и форм (1897—1898 гг.). До того, как быть допущенным в класс С. Танеева, я целый год занимался гармонией у А. Аренского, а после его отъезда в Петербург — у Г. Конюса.

С. Танеев придавал исключительное значение занятиям по гармонии и не принимал в свой класс учеников, которые сдали гармонию не на пятерку. Однако, когда мы приступали к изучению строгого стиля, Сергей Иванович обычно говорил: теперь временно забудьте гармонию». Он четко разделял задачи освоения гармонии и полифонии.

Еще не закончив курса консерватории, я начал преподавать гармонию, занимаясь с отстающими учениками. С. Танеев знал это и часто сам направлял ко мне учеников. Был у меня один частный ученик. Он проходил гармонию, но курса не окончил, и мы с ним стали заниматься строгим стилем. К занятиям он относился поверхностно, но тем не менее, как говорится, спал и видел себя учеником С. Танеева. По его просьбе я поговорил с Сергеем Ивановичем, который дал согласие познакомиться с работами молодого музыканта:

— Пусть сделает две задачи из учебника Аренского и покажет мне. Там видно будет...

Я передал это задание своему ученику, тот написал две гармонические задачи; я отнес их С. Танееву, не проверяя.

Прошло несколько дней. Прихожу к Сергею Ивановичу, а он мрачнее тучи.

— Как вы могли заниматься с ним полифонией, когда у него еще гармония не в порядке? — распекал меня Сергей Иванович. Ученик этот, конечно, не был принят.

Сергей Иванович всегда интересовался творчеством своих учеников, хотя курса сочинения сам не вел. С самого начала моего пребывания в консерватории я показывал свои композиции С. Танееву в надежде получить от него необходимый совет. Еще в Киеве я успел довольно много насочинять и привез с собой в Москву несколько симфонических партитур, два струнных квартета, пьесы для фортепиано и для виолончели. Просмотры новых сочинений С. Танеевым всегда были для нас волнующим, радостным событием. Играл с листа он поразительно легко и свободно; «с лету» проигрывал неразборчивые рукописные партитуры, многоголосные работы по строгому стилю. Усевшись поудобнее за рояль, он раскрывал незнакомую рукопись, внимательно всматривался в нее и затем приступал к исполнению.

С. И. Танеев

15 дек. 1914

Многоуважаемый Рейнгольд Морицевич; профессор здешнего филармонического училища, Юлий Давидович Исерлис, очень хороший пианист, окончивший в 1906 году курс Московской консерватории с золотой медалью (по классу В. И. Сафонова), концертировавший затем в Париже и Америке, игравший неоднократно в различных русских городах и часто выступающий в московских концертах, желал бы играть в Киеве в Музыкальном обществе (в симфонических концертах или в отдельном Clavier Abend'e) и просил меня Вам о нем написать. Охотно исполню его желание, давно знаю его не только как прекрасного пианиста, но вообще как отличного музыканта, имеющего значительные композиторские способности (между прочим, он занимался у меня контрапунктом). Если бы оказалось возможным устроить участие его в одном из Ваших концертов, то я был бы очень Вам за это благодарен. Мне очень было бы интересно узнать что-либо о Вашей консерватории и вообще о Вашей деятельности как директора. Марии Робертовне прошу передать мое приветствие и остаюсь искренне Вам преданный

С. Танеев

В ответ на это письмо я написал подробный отчет о работе нашей консерватории, сообщил о возможности организации концертов Ю. Исерлиса и высказал горячее пожелание увидеть С. Танеева в качестве участника концертов, которые организовывала Киевская консерватория в пользу раненых.

Через некоторое время пришел ответ:

21 февр. 1915
Москва

Глубокоуважаемый Рейнгольд Морицевич, очень был рад получить Ваше письмо, содержащее столь интересные сведения о музыкальной жизни Киева и о деятельности Вашей молодой консерватории, а также узнать, что, быть может, удастся устроить участие Исерлиса в одном из концертов будущего сезона...

Очень извиняюсь, что так долго не отвечал на письмо Ваше. Но до самого последнего времени я не мог дать определенного ответа на Ваше любезное мне предложение приехать в Киев для участия в концерте в пользу раненых. В настоящее время идут подготовительные занятия с хором, солдатами и оркестром по случаю предстоящего исполнения моей кантаты (недавно мною оконченной)¹ в концертах Кузнецкого в Москве и Петербурге. Кантата эта предполагалась к исполнению еще в 1-й половине сезона, но несколько раз откладывалась, потому что здешний хор не успел ее приготовить. Третьего дня установлен был, надо надеяться, окончательный срок ее исполнения, но настолько поздний (11 марта в Петербурге, на фойе-неделе в Москве), что нечего и думать после ее исполнения делать какую-либо концертную поездку, ранее же этого мне уезжать нельзя из-за репетиций. Таким образом, к крайнему моему сожалению, я лишен возможности воспользоваться представившимся случаем играть в Киеве, где несколько лет тому назад я был летом на исполнении моей симфонии под управлением В. С. Терентьева, которая была прекрасно исполнена и встретила со стороны публики очень сочувственный прием, о чем я до сих пор с удовольствием вспоминаю.

¹ «По прочтении псалма» — Ред.

¹ «Русская музыкальная газета», 17 сентября 1905 г.